

УДК 94.47

Оськин М.В.¹

**РУССКАЯ КОННИЦА К 1917 ГОДУ: ВАРИАНТЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ
МАЛОЭФФЕКТИВНОГО РОДА ВОЙСК**

Международная полицейская академия, г. Тула

Os`kin M.V.

**RUSSIAN CAVALRY BY 1917: ATTEMPTS TO REORGANIZE AN INEFFECTIVE
BRANCH OF THE ARMED FORCES**

International Police Academy, Tula

Аннотация: в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. роль кавалерии как одного из трех основных родов войск достаточно быстро стала уменьшаться. Если в маневренный период борьбы конница еще выполняла свои функции, то в окопной войне она оказалась малоэффективной. Установление позиционного фронта на Востоке означало, что многочисленная русская кавалерия теперь будет занимать пассивные участки окопов или выполнять тыловые задачи. Попытки использовать конницу в кампании 1916 г., в том числе в Брусиловском прорыве, не дали особенного результата. Вследствие этого, к началу 1917 г., в преддверии готовящегося наступления русское командование попыталось произвести реорганизацию кавалерии, однако Февральская революция перечеркнула разработку подобных планов.

Ключевые слова: кавалерия, стрелковые дивизионы, артиллерийская поддержка, реорганизация конницы, генерал Петрово-Соловово.

Abstract: during the First World War of 1914-1918, the role of cavalry as one of the three main branches of the armed forces began to decrease quite quickly. If the cavalry still performed its functions during the maneuverable period of the struggle, then it proved ineffective in trench warfare. The establishment of a positional front in the East meant that large Russian cavalry would now occupy passive areas of trenches or perform logistical tasks. Attempts to use cavalry in the 1916 campaign, including the Brusilovsky breakthrough, did not yield much success. As a result, by the beginning of 1917, on the eve of the upcoming offensive, the Russian command tried to reorganize the cavalry, but the February Revolution canceled the development of such plans.

Keywords: cavalry, infantry divisions, artillery support, cavalry reorganization, General Petrovo-Solovovo.

¹ Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии

На первом этапе Первой мировой войны все три основных рода войск – артиллерия, пехота и кавалерия, – действовали совместно друг с другом. Переход боевых действий в позиционную фазу, характеризовавшуюся превосходством обороны над атакой и траншейной борьбой, неизбежно привел к росту роли артиллерии, теперь наносившей три четверти всех потерь в сражениях, и, напротив – падению роли кавалерии как рода войск, предназначенного для маневренной войны. Французский (Западный) фронт перешел к позиционной фазе еще в кампании 1914 г., после чего конница стала выполнять больше полицейские функции в ближайшем войсковом тылу, либо была перенаправлена в пехотные подразделения.

Русский (Восточный) фронт в этом отношении продержался больше года мирового конфликта. В 1914–1915 гг. русская и австрийская конница периодически сталкивались друг с другом в конных стычках, однако дивизионный бой (дивизия на дивизию) произошел лишь однажды в самом начале войны под Ярославицами. Одновременно стало понятно, что успех приносит подкрепление конницы пехотой и гаубичной артиллерией. В то же время, как говорит командир 2-го кавалерийского корпуса Г. О. Раух, немцы не искали конного сражения с русскими. «Германская конница не только не бросалась в атаку при встрече или стремилась искать столкновений с нашей конницей, чтобы ее смести с театра действий и, таким образом, стать хозяином положения, но наоборот, упорно и постоянно уклонялась от таковых столкновений. А в конном строю даже вовсе не обнаруживалась, в случае необходимой встречи немедленно переходя к бою пешком и к действию огнестрельным оружием, то есть, в сущности, превращалась в едущую пехоту, обычно поддержанную своими [мото]циклистами, этими поистине отборными частями. Офицеры, даже на коне, не доверяли своей сабле и всегда предпочитали действовать револьвером. Даже разъезды, казалось, ставили главной своей задачей устройство засад в пешем строю, а не работу на коне» [ГА РФ. Ф. 6249. Оп. 1. Д. 4. Л. 26]. Следовательно, уже в начале войны немцы сделали ставку на комбинированный бой пехоты и кавалерии. В конечном счете, данный подход оправдал себя.

В ходе Великого отступления 1915 г. русская конница прикрывала общее отступление, но ее огневая слабость (в этом отношении кавалерийская дивизия равнялась пехотному батальону) стала показательной. Последним массовым применением кавалерии в боях обеими сторонами стала Вильно-Молодечненская операция (Свенцянский прорыв) первой половины осени 1915 г. в Литве и Белоруссии, после чего Восточный фронт также застыл в тисках окопных боев. В лекции «Действия кавалерии в прорывах в современной войне (Свенцяны и Солунский фронт) 1915 г.». профессор Николаевской военной академии

М. А. Иностранцев указывал, что действия конницы и в современной войне «могут дать огромные результаты». Но должны быть неперенные условия: 1. «во главе конницы стоял хороший начальник», 2. «в основу действий кавалерии было положено его основное, важнейшее и неизменное свойство – быстрота», 3. «кавалерия была надлежащим образом и в достаточном количестве поддержана техникой» [ГА РФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 352. Л. 2]. Последнее условие и не могло быть соблюдено надлежащим образом в силу общей нехватки вооружений в русской армии в годы Первой мировой войны.

В кампании 1916 г. русская Ставка Верховного командования, настроенная на прорыв неприятельского фронта в ходе весенне-летнего наступления, рассчитывала на массированное использование кавалерии как средства развития прорыва. Однако атаки армий Западного фронта А. Е. Эверта захлебнулись под Барановичами, прорвать германскую оборону не удалось, и конница осталась неиспользованной. Но и успех майского Брусиловского прорыва армий Юго-Западного фронта А. А. Брусилова также не был поддержан действиями русской кавалерии. На первом этапе прорыва спешенная конница была отправлена в окопы прикрытия пассивных участков русских траншей, а затем разгромленные австрийцы, получив германскую поддержку, вновь наладили непреодолимую для конницы оборону.

Единственной попыткой конного удара стали действия соединений 4-го кавалерийского корпуса Я. Г. Гилленшмидта на крайнем северном (правом) фланге ударной 8-й армии А. М. Каледина, предполагавшиеся для рывка на Ковель. Однако, прорвать неприятельский фронт без должной артиллерийской поддержки кавалеристы не смогли, а взять тяжелые гаубицы, чтобы пробить себе путь через австрийские траншеи, было негде – их не хватало и в ударных армиях. Лишь в начале июля при 4-м кавкорпусе смогли сформировать тяжелую 4-орудийную батарею из трофейных 10-см германских гаубиц [РГВИА. Ф. 2312. Оп. 1. Д. 1. Л. 18], но к этому времени неприятельская оборона была усилена до предела. Действия отдельных небольших конных подразделений в Брусиловском прорыве (например, атака Текинского конного полка) не меняют общей картины – массового использования кавалерии по различным причинам не получилось, и средством развития прорыва конная масса так и не стала.

Следует отметить, что замысел кавалерийского броска в неприятельские тылы после прорыва германской обороны был предложен в середине лета 1916 г. командующим войсками Гвардии В. М. Безобразовым перед началом атаки Гвардии на ковельском направлении. Командир 2-го гвардейского армейского корпуса вспоминал, что пресловутая «кавалерийская затея – самый любимый конек» Безобразова, но в целом идея направить

конную массу в «будущие ворота прорыва» – «слишком фантастична», так как атаковать предстояло в болотистой местности. Согласно замыслу генерала Безобразова, Гвардейский кавалерийский корпус должен был находиться за 2-м гвардейским корпусом «в полной готовности двинуться в прорыв, когда таковой будет достигнут 2-м гвардейским корпусом, для действий во фланг и тыл противника». Кавкорпус для этого получил «особую инструкцию с указанием целей действий для каждой из его дивизий». То есть в штабе Безобразова считали, что атака пехоты «даст возможность, прорвав позиции противника, образовать настолько широкие ворота в расположении противника, что через них свободно сможет пройти вся наша конница для последующих действий веером в тылу соседних позиций противника» [ГА РФ. Ф. 6249. Оп. 1. Д. 22. Л. 4, 51об., 56]. Правда, прорвать оборону немцев в июльских атаках так и не удалось, и идея осталась на уровне замысла.

Видя слабость кавалерии как отдельного рода войск в современной войне, в русской армии также постепенно стали переходить к насыщению конницы пехотными подразделениями, сознавая, что отдельная пехота при кавалерийских частях все равно будет сильнее в огневом отношении, нежели просто спешивать кавалеристов для действий в пешем строю. Со второй половины 1916 г. это объединение пока еще регламентировалось, так как отнюдь не все кавалерийские начальники сочувствовали идее использования пехоты в одном войсковом соединении с конницей. Так, приказ А. Е. Эверта от 26 августа говорил: «замечается стремление использовать стрелковые части, состоящие при кавалерийских дивизиях не в составе этих последних, а на отдельных самостоятельных участках, иногда даже сводя стрелковые дивизионы всего корпуса в особый полк, действующий затем вместе с пехотой. Такое употребление стрелковых частей при коннице, не отвечая самой идее создания их, лишает конницу необходимой ей поддержки, делает ее менее устойчивой, нарушает спайку между пешими и конными частями одной дивизии и потому может быть допущено лишь как исключение под давлением особых условий обстановки» [РГВИА. Ф. 2158. Оп. 2. Д. 336. Л. 51об.].

Казалось, что война понемногу идет к своему завершению, и в России задумывались о демобилизации, ибо лошадей на фронте оказалось много – одновременно в действующей армии числилось не менее 1,5 млн. животных. Уже 1 сентября 1916 г. Главное управление Государственного коннозаводства, отвечавшее за качество поставляемого на фронт конского состава, представило в Генеральный штаб проект порядка демобилизации конского состава армии. Лошади Кавказской армии должны были передаваться населению Кавказского Наместничества и Туркестана. С западных фронтов и внутренних округов – распределяться по всей остальной России. В первую очередь тылу выделялись кобылы,

затем – наименее пригодные для службы жеребцы и мерины: «мерины, то есть лошади, пригодные только для работ, распределяются на партии для передачи населению местностей, ближайших к театру военных действий, где должна ощущаться особенно острая нужда в рабочих лошадях». Чтобы более-менее соблюсти принципы справедливости, лошади передавались земствам по оценочной стоимости для последующего распределения среди населения: «при расценке кобыл и жеребцов принимаются во внимание породность, правильность по экстерьеру, работоспособность, возраст и рост». Считалось правильным, чтобы лошади «поступали непосредственно к населению, минуя барышников и всякого рода скупщиков», поэтому если земство по какой-либо причине отказывалось бы брать войсковых лошадей, то животные поступали на аукцион [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1658. Л. 6–7, 11]. Лучшие лошади, разумеется, оставались в кавалерийских и артиллерийских частях.

Дабы пополнить ряды регулярной кавалерии, в нее стали переводить сводные конные части. Так, доклад командира 8-го конного Граевского пограничного полка полковника барона Б. Б. Кене от 28 ноября 1916 г. утверждал, что пограничная конница должна быть реорганизована в регулярную. Кене писал, что пограничники в числе первых столкнулись с противником, и «постепенно почти все разрозненные отдельные сотни были сведены в пограничные полки... которые представляют из себя уже сплоченные части. Задачи, возлагаемые на эти полки, ничем не отличаются от задач, даваемых гусарским, уланским и драгунским полкам». Однако, эти полки «считаются как бы второстепенной конницей что вызывает нежелание переходить на службу в пограничные полки и даже вызывают стремление у коренных пограничников перейти в кавалерийские полки». В итоге, в регулярных кавполках сверхкомплект офицеров, а в пограничных – некомплект. Предложение – вместо названия «пограничная стража» дать – «конно-егерские», причем Штаб корпуса пограничной стражи желал сохранить слово «пограничный», например: 8-й пограничный Граевский конно-егерский полк. Дежурный генерал при Ставке Верховного главнокомандующего П. К. Кондзеровский считал, что при таком подходе «совершенно обесценивается наименование полков конно-егерскими, которое только делает название более громоздким, и в то же время не устраняет слова “пограничный”». В итоге, по представлению Штаба корпуса пограничной стражи император Николай II 1 января 1917 г. утвердил термин «пограничные конные полки», а Отдельный Корпус пограничной стражи был переименован в Отдельный Пограничный корпус» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1609. Л. 57, 60, 64].

Во имя сохранения конского состава действующей армии, учитывались и технологические новинки ведения боя, в том числе – газовые атаки, от которых лошади

страдали больше людей, не имея возможности самостоятельно покинуть поле сражения. В конце 1916 г. для лошадей стали заготавливать противогазовые торбы силами самих частей, которые во время атаки следовало смачивать водой: «означенные торбы должны быть изготовлены из материала средней плотности (грубый рубашечный крестьянский холст с крупными порами) и иметь 4-угольную, слегка закругленную на конце форму. Ширина торбы должна равняться 8,5 вершкам, длина: переднего полотнища 15 вершкам, заднего – 10 вершкам. На левом верхнем открытом углу переднего полотнища торбы должна быть петля, а на правом – две тесьмы длиной 10 вершков... торбы должны быть надеты на морды лошадей до скуловых дуг, в области которых и завязать при помощи тесемок, находящихся на верхнем левом углу торбы». Также следует при газовой атаке разводить костры, имея горючее на 4–5 часов, вблизи расположения конского состава. Первая помощь при отравлении лошади газами заключалась в следующем: «а). всем больным лошадям предоставить полный покой, освободить от всякой работы, б). держать на чистом воздухе, в). в корм давать легко перевариваемый фураж (сено, трава, отруби), г). обильно и часто обмывать и обтирать водой кожу лошадей, с последовательным растиранием всех наружных покровов животного, д). ротовую и носовую полости осторожно промывать свежей комнатной температуры водой». При тяжелом отравлении должны были работать ветеринарные врачи [РГВИА. Ф. 2158. Оп. 2. Д. 336. Л. 319–321].

Вплоть до осени широкой реорганизации конницы не предпринималось, и дело ограничивалось рекомендациями фронтовых штабов, однако, положение вещей изменилось – своеобразной неожиданностью стала румынская кампания 1916 г., в ходе которой стороны временно перешли к маневренной борьбе, так как выстроить позиционную оборону слабая румынская армия не сумела. Преодолев сопротивление румын в Трансильванских Альпах, и перенеся боевые действия на равнину, немцы активно применили свою остававшуюся в строю кавалерию – сводный конный корпус графа О. фон Шметтова. Сознавая сравнительную немногочисленность конницы (две с половиной дивизии), германское командование позаботилось о том, чтобы усилить авангарды огнем, для чего Шметтову была придана бригада самокатчиков, и несколько автомобильных рот для перевозки техники. Помимо усиленных самокатчиками кавалеристов, на острие удара двигались и пулеметные роты самокатных батальонов, а также горные пулеметные отряды, переброшенные в Трансильванию из Франции. Для оперативной переброски войск на Румынском фронте немцы использовали до 20 тыс. автомобилей [1, с. 242].

Пулеметные самокатные роты состояли из трех взводов, в каждом из которых числились три трехтонных грузовика и мотоцикл. Основным вооружением взвода были два

пулемета, установленные на грузовиках с таким расчетом, чтобы в бою каждый грузовик мог действовать самостоятельно. Третий грузовик использовался для перевозки необходимых грузов. Насыщение взвода людьми (3 офицера и 46 солдат на два пулемета) позволяло каждому грузовику действовать самостоятельно против такого надломленного противника как румыны [2, с. 21]. Эти же пулеметы сметали русскую кавалерию, сначала пытавшуюся действовать в конном строю, что позволило австро-германцам быть сильнее на направлении главного удара, опрокидывая разрозненно вводившиеся в бой русские подкрепления.

В свою очередь, с немцами здесь столкнулась русская конница, по частям подходившая на помощь румынам своим ходом, так как слабая железнодорожная сеть была занята перевозками пехотных дивизий и корпусов. Первым с конницей Шметтова сразился 3-й кавалерийский корпус Ф. А. Келлера. В приказе по корпусу от 23 декабря 1916 г. Келлер напоминал свои указания 1915 года: «При встрече с противником требую, чтобы части корпуса немедленно переходили в наступление, охватывая его фланги... Наступление поднимает дух и дает уверенность в себе, оборона же порождает колебание и опасение. Вот почему обороны я не допускаю... Только наступление дает решительные результаты и победу» [РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 7. Л. 126].

Тем не менее, умелое использование немцами в боях всех трех родов оружия в совместных действиях конницы и пехоты, поддерживаемых могущественной артиллерией, позволило противнику отеснить русских и румын за линию реки Серет, тем самым захватив большую часть Румынского королевства. Румынская кампания подтвердила, что в современной войне сама по себе кавалерия слабовата для победы в общевойсковом бою, почему русское командование предприняло несколько шагов к реорганизации конницы. А именно – усиление ее артиллерией и пехотой. Проблема заключалась в организационных мероприятиях – как именно будет сорганизовано взаимодействие между пехотой и кавалерией. Ну и заодно – возможное усиление артиллерией таковых смешанных подразделений.

Разумеется, свои рекомендации должны были дать войска, почему генерал для поручений при Ставке Верховного главнокомандующего Б. М. Петрово-Соловово в середине осени 1916 г. разослал кавалерийским начальникам (командирам корпусов и дивизий) свою «Записку по поводу пожеланий о возможной реорганизации конницы». В Записке говорилось, что «война выдвинула в общем в отношении кавалерии следующие наиболее важные вопросы: 1). необходимость усиления огневого действия, 2). необходимость действовать в бою очень часто в пешем строю, прибегая к серьезному

окапыванию, почти нисколько не рознящемся от боевых действий пехоты, 3). необходимость во время боевых действий широко применять разного рода средства связи и технику». Ставка предлагала придать коннице ружья-пулеметы, «включить в постоянный состав кавалерийских дивизий свои пехотные части с большим числом пулеметов», придать конной артиллерии гаубичные батареи [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 271. Л. 1–2].

Мнения кавалерийских начальников, солидарные в отношении усиления конницы пулеметами и артиллерией, особенно легкими гаубицами, разошлись в вопросе включения в состав кавалерийских корпусов, а то и дивизий, пехотных дивизионов. Лучшим вариантом предлагалось образование таковых дивизионов из кавалеристов со своими же офицерами, дабы конные части не теряли внутренней спайки. В крайнем случае – придавать самокатные роты с мотоциклами. Наиболее радикально к этой проблеме подошли начальник 4-й кавалерийской дивизии Б. П. Ванновский и 12-й кавалерийской барон К.-Г Маннергейм, предложившие включить в каждую кавалерийскую дивизию 8-ротный стрелковый батальон [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 271. Л. 9, 48–49, 51, 55, 62–65, 98–100].

Результатом обсуждения вопроса стала специальная брошюра «Совместные действия конницы с приданной ей пехотой», утвержденная и.д. Начальника штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко 1 декабря 1916 г. В брошюре говорилось, что в современной войне «стрелковые дивизионы придаются кавалерийским частям с целью дать коннице большую устойчивость в огневом бою и создать более выгодные условия для действий ее в конном строю». Подчеркивалось, что данная мера необходима для сохранения конницы – «во всяком бою старший кавалерийский начальник должен стремиться использовать самым широким и самым выгодным образом приданных ему стрелков, дабы за счет их сохранить возможно большее число эскадронов для боя в конном строю». Считалось, что «при совместных действиях конницы и стрелков во встречном бою на обязанности конницы лежит: 1). определить направление движения противника и по возможности его силы, а также 2). наметить и заблаговременно захватить тот рубеж, где для нас удобнее и выгоднее вести встречный бой. Стрелки же обязаны удержать захваченный конницей рубеж, чтобы заставить противника принять бой на выгодной для нас местности, облегчить своей коннице маневрирование и обеспечить выдвижение из-за рубежа для действий во фланг и тыл противнику». Подытоживалось, что «кавалерийский начальник должен руководствоваться стремлением вперед, желанием использовать основные свойства конницы, и достигнуть тех целей, для которых главным образом конница создана и в духе которых конница должна быть воспитана. Лишь тот начальник, который сумеет проявить это чувство – заслуживает названия истинного кавалериста» [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д.

1416. Л. 1–27].

После выяснения мнения кавалеристов, Ставка Верховного командования пожелала узнать и точку зрения пехотинцев, в начале 1917 г. выслал в войска для ознакомления выработанное наставление «Совместные действия конницы с приданной ей пехотой». Февральская революция смешала все эти планы, достаточно быстро разложив русскую армию неизбежным влиянием революционного процесса, спиралевидно развивавшегося в России. Тем не менее, весной некоторые замечания все-таки поступили в Ставку. Весьма интересным является ответ командира 101-го пехотного Пермского полка Н. М. Лялина от 27 марта 1917 г. Лялин считал, что «желательно использовать конницу в сторожевом охранении для наблюдения за находящимися впереди селениями, куда сходятся дороги, за отдельными высотами далеко выдвинутыми вперед, для охранения труднопроходимых болотистых мест. При отходе с боем полезно захватывать узлы выгодных рубежей до подхода пехоты и приведения ее в порядок, а часть конницы в это время выдвинуть вперед до соприкосновения с наступающим противником» [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1416. Л. 40].

Таким образом, в годы Первой мировой войны, характеризовавшейся по преимуществу позиционной формой ведения борьбы, роль кавалерии в общевойсковом бою постепенно стала уменьшаться. Как наиболее мобильный род войск конница все еще использовалась в маневренных действиях, но таковые стали скорее исключением. Дабы сохранить многочисленную кавалерию, в 1916 г. в России были предприняты некоторые меры по реорганизации конницы, прежде всего – включение в состав кавалерийских корпусов и дивизий стрелковых подразделений. В связи с революционными событиями 1917 г. реорганизация так и не была доведена до конца, однако проведенные подготовительные мероприятия послужили своеобразным проектом на будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
3. Российский государственный исторический архив (РГИА)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федосеев С. Танки Первой Мировой. М., 2010 – 640 с.
2. Федотов Б.П. Германская армия в годы 1-й Мировой войны (1914–1918гг.) // Солдат. 2000. № 29. – с. 13–25.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Fedoseev S. Tanki Pervoj Mirovoj. M., 2010 – 640 s.
2. Fedotov B.P. Germanskaya armiya v gody 1-j Mirovoj vojny (1914–1918gg.) // Soldat. 2000. № 29. – s. 13–25.

Рецензент: Саввин А.М. - канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры Истории государства и права ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».